

Ольга Клюкина

Святые в истории

Жития святых

XX век

Праведный Иоанн
Кронштадтский
Преподобномученица
великая княгиня
Елизавета Федоровна
Святитель Тихон, Патриарх
Московский и всея Руси
Мученица Татьяна Гримблит
Святитель Николай Сербский
Святитель Афанасий (Сахаров)
Святитель Иоанн Шанхайский
и Сан-Францисский
Преподобный Паисий
Святогорец
Преподобный Гавриил
(Ургебадзе)

Святые в истории

Ольга Ключкина

**Святые в истории. Жития
святых в новом формате. XX век**

«Никея»

2016

УДК 281.1
ББК 86.372

Клюкина О. П.

Святые в истории. Жития святых в новом формате. XX век /
О. П. Клюкина — «Никея», 2016 — (Святые в истории)

ISBN 978-5-91761-321-5

В серии «Святые в истории» писательница Ольга Клюкина в литературной форме излагает жития христианских подвижников различных эпох. О святых минувших столетий автор рассказывает живым современным языком, делая их близкими и понятными сегодняшнему читателю. Шестая, заключительная книга серии посвящена XX веку.

УДК 281.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-91761-321-5

© Клюкина О. П., 2016
© Никея, 2016

Содержание

От издательства	6
Праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

О. П. Клюкина
Святые в истории. Жития
святых в новом формате. XX век

© Клюкина О. П., 2016

© Издательский дом «Никея», 2016

* * *

От издательства

Эта книга подводит итог авторской серии «Святые в истории», в которой писательница Ольга Клюкина в яркой литературной форме представила жития святых на фоне сменяющих друг друга исторических эпох. Не претендуя на научную фундаментальность, книги серии тем не менее позволяют проследить основные вехи истории Церкви от апостольских времен практически до наших дней. А главное, помогают увидеть, что вся история Православия пронизана святостью и складывается из историй реальных людей, которые в своей земной жизни стали «друзьями Божиими», как называл святых преподобный Иоанн Дамаскин.

Серия выстроена по хронологическому принципу и состоит из шести книг. Ключевые моменты истории Церкви и святости каждого периода раскрываются через жизнеописания девяти святых. Ольга Клюкина поместила их жития в широкий исторический контекст, что позволяет более ярко представить реальную жизнь подвижников веры. Однако несмотря на обилие исторических фактов, книга читается удивительно легко, на одном дыхании. Автор делает святых близкими и понятными сегодняшнему читателю.

Шестая книга не случайно целиком посвящена одному столетию: в христианской истории двадцатый век по насыщенности событиями, драматизму и «концентрации» святости сопоставим лишь с первыми веками христианства, а по количеству сохранившихся исторических источников превосходит все предыдущие эпохи.

Более того, многие святые двадцатого века – наши старшие современники, о которых сохранилась живая память. Рядом с нами – их родственники, среди нас еще есть люди, близко знавшие святых, чьи лики сегодня смотрят с икон. Многие из этих святых канонизированы на нашей памяти, кто-то – совсем недавно. Например, преподобного Гавриила (Ургебадзе) Грузинская Церковь прославила в 2012 году, а в месяцеслов Русской Православной Церкви его имя внесено в 2014 году; преподобный Паисий Святогорец был прославлен Священным Синодом Вселенского Патриархата в 2015 году, и еще в начале 1990-х оба этих святых были живы.

Этот уникальный опыт встречи, возможность прикоснуться к святости, не только помогают лучше понять нашу недавнюю историю и современность, но и приоткрывают завесу над подвигом святых далекого прошлого. Мученики первых веков уже не кажутся неземными существами, когда читаешь протоколы допросов и письма из тюрем и лагерей новомучеников двадцатого века, а духовные высоты великих подвижников прошлого не кажутся столь нереальными, когда знакомишься с воспоминаниями наших современников о подвижниках последних десятилетий. И хотя сложно в деталях сравнивать жития древних святых с документами недавнего прошлого, в них чувствуется то единство, благодаря которому мы и говорим о неразрывной связи поколений внутри Церкви, – единство следования за Христом.

Праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908)

О, лучшее создание Божие человек!

На палубе колесного парохода «Св. Николай Чудотворец» молча сидели двое. Один – пожилой человек в старенькой соломенной шляпе – читал Евангелие и делал какие-то записи. Время от времени он откладывал книгу на колени и задумчиво смотрел на проплывающие за бортом берега.

Это был не кто иной, как известный на всю православную Россию настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн Сергиев, или, как звали его в народе, батюшка Иоанн Кронштадтский. Во время путешествия, окруженный со всех сторон водой, отец Иоанн мог наконец-то позволить себе минуты отдыха, и спутники старались его не беспокоить.

Исключение делалось для Сергея Васильевича Животовского, петербургского художника и преподавателя рисования в Ксенинском институте благородных девиц. Он сидел от батюшки на почтительном расстоянии и молча чиркал карандашом.

Что и говорить, нынешним летом господину Животовскому несказанно повезло. Ему выпала честь сопровождать отца Иоанна в ежегодной поездке на Север, в родное село Суру и писать об этом очерки для газеты «Петербургский листок». Свои путевые заметки Сергей Васильевич сопровождал рисунками и фотографиями и даже делал из них эффектные коллажи.

Маршрут всероссийского пастыря по северным рекам был расписан по дням и по часам, но все равно каждый год во время путешествия случалось что-нибудь неожиданное. Например, в 1897 году пароход «Св. Николай Чудотворец», построенный на средства отца Иоанна на верфях Финляндии, сел на мель, потому что оказался непригодным для северных рек, и был продан. Новый пароход, также построенный на средства отца Иоанна, с большими приключениями преодолел опасные для судов бурные Свирские пороги. До последней минуты бывает неизвестно, насколько сильно нынешним летом обмелела река Пинега, полная песчаных отмелей или, как называют их местные жители, заструг. А это значит, что часть пути придется проделывать на лошадях с незапланированными остановками и дорожными приключениями.

Художник Животовский, разумеется, знал о всенародной славе отца Иоанна Кронштадтского, но все же увиденное во время путешествия его изумило. Путешествие в Суру было сплошным триумфальным шествием отца Иоанна.

Оно началось 25 мая 1903 года, в день Святой Троицы, в Кронштадте, где целое море народа собралось проводить отца Иоанна. Некоторые чувствительные барышни рыдали так, словно кронштадтский пастырь покидал их не на месяц, а навсегда.

По всем берегам Ново-Мариинского канала пароход встречали жители окрестных сел. Люди стояли с иконами и хоругвями, нарядные, одетые как на праздник. Одни восторженно кричали слова приветствия и бросали в воздух шапки, другие крестились и с мольбой протягивали к отцу Иоанну руки.

Возле шлюзов и вовсе началось столпотворение. После того, как пущенная в шлюз вода поднимала пароход и он оказывался вровень с берегом, народ цеплялся за борта и долго не хотел отпускать их. Всем хотелось получить из рук отца Иоанна медный образок или крестик, пожаловаться ему на невзгоды, вручить лично в руки записку с изложенной просьбой.

Отец Иоанн приветствовал народ простыми словами: «Здравствуйте, православные, здравствуйте, дорогие детушки, здравствуйте, здравствуй, matka, здравствуй, бабка!». Каким-то образом ему удавалось всех благословить, выслушать, утешить и обласкать. Когда капитан с большим трудом все-таки отчалил, по берегу за пароходом еще долго бежали бабы, дети, старики.

Из-за летних белых ночей водное путешествие по Петербургской, а затем по Олонецкой и Архангельской губерниям казалось господину Животовскому одним долгим счастливым днем. Художник без устали записывал свои наблюдения, рисовал, проявлял фотопластины, чтобы в ближайшем городе, где пароход делал остановку, по почте переправить материалы в редакцию.

Глядя на неутомимого, по-юношески бодрого отца Иоанна, никому из его спутников не приходило в голову жаловаться на усталость.

«Все только поражались энергией этого замечательного человека. Встать раньше всех, отслужить утреню и обедню и, почти не отдыхая, по тяжелой дороге проехать тридцать шесть верст в страшный зной – и не устать, при семидесяти четырех годах от роду, – как хотите, а дело не совсем обыкновенное, – отметил господин Животовский в одном из своих очерков. – За все наше путешествие нам не раз приходилось встречать ровесников отца Иоанна, его сверстников по семинарии. Но какие это все дряхлые старики сравнительно с ним; он кажется молодым человеком, если видеть его товарищей по школе».

Особенно умиляло художника, когда после торжественной встречи в каком-нибудь городе сопровождающие под руки вели отца Иоанна к пристани: «Каково должно быть терпение у этого человека! Будучи всегда бодрым, сильным духом настолько, что способен сообщать эту силу очень многим слабым людям, он беспрекословно позволяет вести себя под руки по совершенно ровному месту, как расслабленного старика, только потому, что знает, что отказать кому-нибудь в таком усердии – это значило бы обидеть человека».

Энергия отца Иоанна удвоилась, когда пароход прибыл в Суру. Казалось, батюшка здесь вообще ни минуты не сидел на месте – с утра до ночи куда-то ездил, хлопотал, осматривал постройки, давал распоряжения.

С тех пор, как отец Иоанн стал совершать ежегодные поездки на родину, село Сура, этот медвежий угол Архангельской губернии, превратилось почти в уездный город. На средства отца Иоанна и его почитателей в Суре были выстроены большой каменный храм в честь святого Николая Чудотворца, новая школа, библиотека, на другом конце села раскинулся Иоанно-Богословский женский монастырь. Да и другие города и села по ходу ежегодного водного маршрута отца Иоанна заметно преобразились, словно очнувшись от вековой дремоты.

От Иоанна Кронштадтского исходила особая энергия пробуждения и обновления – недаром в народе его называли «пасхальным батюшкой».

Пароход «Св. Николай Чудотворец» проплыл мимо отмели, из-за множества облюбовавших ее чаек казавшейся белым островком. Вдруг чайки дружно взлетели – словно сотни белых платков взмахнули в воздухе, приветствуя отца Иоанна в этом безлюдном месте.

Животовский подумал, что, пожалуй, никто в мире – ни один великий художник, музыкант или артист и даже царь – не знал такой всенародной славы и любви, как отец Иоанн Кронштадтский. Не есть ли это вершина человеческого счастья?

Неожиданно отец Иоанн поднялся с места, подошел к Животовскому своей бодрой походкой и встал рядом.

– Вот когда я отдыхаю вполне, только на пароходе и есть возможность провести время в полном спокойствии. Тяжела мне подчас бывает моя популярность, никуда ведь нельзя показаться, нигде нельзя свободно пройти незамеченным... – сказал он, отвечая художнику на невысказанный вопрос.

В пронзительно-серых глазах отца Иоанна было столько затаенной скорби, что Животовский поневоле устыдился пустых мыслей (и что там – тайных мечтаний) о всенародном признании и славе.

Немного помолчав, отец Иоанн стал рассказывать, что настоящее счастье он, пожалуй, испытывал только в детстве, когда мальчиком часть пути шел из Архангельска домой, в Суру, пешком. Могучие сосны представлялись колоннадой огромного храма, небо над головой – куполом, на душе было радостно, и даже немного жутко от близкого присутствия Бога. Идти приходилось босиком, неся в руках сапоги, чтобы не портить дорогую вещь, но он не чувствовал под ногами острых камней и во время молитвы словно парил над землей...

Художник Животовский вспомнил, как во время посещения Архангельской семинарии отец Иоанн быстро прошел в дальний угол семинарского сада и остановился перед высоким деревом.

– Вот мой сверстник, – сказал он сопровождающим. – Здесь было мое любимое место в саду. Под этим деревцем я чаще всего проводил свой досуг и читал книги.

Сергей Васильевич успел сделать карандашный набросок, как отец Иоанн гладит рукой ствол дерева – свидетеля его детских молитв. Этот рисунок получился особенно удачным.

На память о путешествии Иоанн Кронштадтский подарил художнику свой большой фотографический портрет с дарственной надписью: «Любезному, дорогому моему, незабвенному спутнику в Суру и обратно, Сергею Вас. Животовскому, на память. Протоиерей Иоанн Сергиев. 25 июня 1903 год».

Находясь под сильнейшим впечатлением от поездки с отцом Иоанном, С. В. Животовский объединил свои дорожные заметки, фотографии и рисунки и издал книгу «На Север с отцом Иоанном Кронштадтским». Сергей Васильевич вложил в издание книги весь свой капитал, но по неопытности в коммерческих делах наделал долгов. Узнав об этом, отец Иоанн Кронштадтский помог ему расплатиться по векселям и выкупил часть тиража.

В единственной автобиографии отца Иоанна, напечатанной в журнале «Север» за 1888 год, говорится: «Я сын причетника села Сурского, Пинежского уезда, Архангельской губернии. Дома, на шестом году, отец купил мне букварь, и мать стала преподавать азбуку. Тяжело давалась грамота. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище...»

Сура – так в XIX веке называлась группа из шестнадцати сел и деревень Архангельской губернии, разбросанных по берегам Пинеги и ее притоку, речке Суре, примерно в пятистах верстах от Белого моря. На протяжении трех веков предки Иоанна Кронштадтского по отцовской линии были в здешних краях священниками, дьяконами, чтецами в церкви.

Отец Иоанна Кронштадтского тоже служил причетником, или, как тогда называли, дьячком в Суре в Никольской церкви, настолько бедной, что в ней даже церковные сосуды были из олова.

19 октября 1829 года, в день, когда Церковь празднует память святого болгарского отшельника Иоанна Рыльского, в семье сельского дьячка Ильи Михайловича Сергиева и его супруги Феодоры Власьевны родился первенец, по святцам названный Иоанном, а по-домашнему – Иваном.

В 1839 году родители определили Ивана своекоштным (то есть на собственном содержании) воспитанником в Архангельское приходское училище, тратя на его учебу последние гроши. К тому времени в семье подрастали две дочери: пятилетняя Аня и только что родившаяся Даша. С мальчиками супругам Сергиевым не везло: Никита и Василий не дожили и до года.

Иван сильно расстраивался, что не может оправдать отцовских надежд и хотя бы выучиться как следует читать.

«Среди сверстников по классу я не находил, да и не искал себе поддержки или помощи; все они были способнее меня, и я был последним учеником. На меня напала тоска, – рассказывает Иоанн Кронштадтский в своей автобиографии. – Вот тут-то и обратился я за помощью к Вседержителю, и во мне произошла перемена. В короткое время я продвинулся вперед настолько, что уже перестал быть последним учеником». С ним произошло такое же чудо, как пять столетий назад с отроком Варфоломеем, ставшим великим святым Преподобным Сергием Радонежским. «И открыл мне Господь разум: я озарился светом Божиим – грамота стала мне ясна», – вспомнит об этом чуде отец Иоанн в день своего семидесятилетия в праздничной проповеди.

В 1851 году Иван Сергиев в числе лучших учеников Архангельской духовной семинарии был направлен за казенный счет на учебу в Санкт-Петербургскую духовную академию. В том же году внезапно умер его отец в возрасте всего сорока восьми лет. Чтобы помогать матери и сестрам, Иван на время учебы устроился работать писарем в канцелярии академии за девять рублей ежемесячного жалования и весь свой заработок отправлял в Суру.

Как и многие его однокурсники, Иван Сергиев мечтал после окончания учебы стать христианским миссионером где-нибудь в Америке, Китае или в Сибири. Несколько раз он видел один и тот же загадочный сон: огромный храм, и он, священник, проводит в нем богослужение. Вот только как узнать, в какой части света находится храм, на который ему указывал Сам Господь? Как выяснилось, недалеко от Петербурга, на острове Котлине в Финском заливе. Впервые оказавшись в Кронштадте и увидев собор во имя святого апостола Андрея Первозванного, Иван Сергиев узнал храм из своих снов.

Пророчество стало сбываться после знакомства с настоятелем храма, протоиереем Константином Несвицким, который по старости собирался выходить на пенсию. В храме освобождено место священника, и настоятель надеялся принять на него того, кто возьмет замуж его дочь. Иван Сергиев и Елизавета Несвицкая познакомились, а вскоре и обвенчались.

10 декабря 1855 года в кафедральном соборе Петра и Павла в Санкт-Петербурге Иоанн Сергиев был рукоположен в сан диакона, а 12 декабря состоялась его хиротония в сан иерея,

после чего он получил назначение в штат Кронштадтского Андреевского собора третьим священником. Отец Иоанн прослужил в Андреевском соборе 53 года, вплоть до своей кончины.

Оказалось, для миссионерских подвигов вовсе не обязательно ехать в дальние края: жители Кронштадта знали о Христе не больше, чем туземцы в Африке или в Южной Америке, да и нравы здесь царили почти что дикарские.

«Город этот военный – здесь на каждом шагу встречаешь военных, матросов, мастеровых из гавани и проч. Матросы, большую часть времени проводящие в море на своих судах, попав на берег, стараются использовать свое свободное время во всю ширь, получить как можно больше удовольствий. Поэтому здесь всегда можно было встретить на улице пьяных и слышать о многих безобразиях, – вспоминал отец Иоанн о первых годах своего служения в Кронштадте в беседе с сарапульскими священниками (она состоялась в городе Сарапуле 21 июля 1904 года). – С первых же дней своего служения мое сердце стало болеть при виде такой нехорошей и греховной жизни, и, естественно, явилось твердое намерение как-нибудь исправить этот пьяный, но хороший по своей душе народ».

Помимо пьяных матросов и женщин легкого поведения, в Кронштадте немало было и других сомнительных личностей: в середине XIX века город на острове являлся местом административной ссылки из северной столицы бродяг, нищих и «мелкостатейных» преступников.

Андреевский собор, Кронштадт. Дореволюционная открытка

После службы в храме молодой иерей Иоанн Сергиев шел в бедные районы Кронштадта и делал то, что было в его силах: покупал на свои деньги лекарства и одежду, помогал определить детей бедняков в бесплатные школы, увещевал их отцов-пьяниц. Случалось, отец Иоанн отдавал нищему, которого встречал по дороге, свои сапоги, а сам возвращался домой босиком.

Вера в Бога у отца Иоанна Кронштадтского была неразрывна с верой в человека, с неизбывной надеждой на лучшее в человеке.

«Встань, поднимись. Ты еще не так плох, как о себе думаешь. Бог укрепит тебя, – помолимся вместе», – говорил отец Иоанн тому, кто и сам-то давно на себя махнул рукой. И его вера, подвиг неустанного человеколюбия меняли судьбы людей.

Иерей из Андреевского собора быстро стал в Кронштадте местной достопримечательностью: его знали все полицейские, судебные приставы, чиновники городской управы – он вечно за кого-нибудь хлопотал и ходил по городу в окружении целой толпы нищих.

Дошло до того, что по распоряжению церковного начальства жалование отца Иоанна стали отдавать его супруге, иначе он мог раздать нищим все до последней копейки. Впрочем, вскоре молодого священника пригласили преподавать Закон Божий в Кронштадтском городском училище, и преподавательским жалованием он уже распоряжался по своему усмотрению, то есть без остатка раздавал.

Вскоре выяснилась еще одна из ряда вон выходящая подробность из жизни кронштадтского иерея Иоанна Сергиева: он взял на себя подвиг девства и не имел с женой супружеских отношений (супруги воспитали как своих детей двух дочерей сестры Елизаветы Константиновны Анны – Елизавету и Руфину).

«Лиза! Счастливых семей и без нас с тобой довольно, – говорил отец Иоанн жене, – а мы отдадим себя всецело Богу и ближним».

Елизавета Константиновна не сразу смирилась с этим решением, она даже обращалась с жалобой к Петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому), который не раз вызывал отца Иоанна к себе и по разным поводам строго отчитывал.

В 1867 году отец Иоанн упоминает в дневнике о своих слезах после резкого приема у митрополита, а позже в 1890 году пишет: «Ни разу за тридцать лет он меня не встретил по-отечески, добрым словом или взглядом, но всегда унижительно, со строгостью и суровостью».

Даже в церковном служении в глазах церковного начальства и старших сослуживцев иерей Иоанн Сергиев не был безупречен: слишком беспокоен и «неровен». Отец Иоанн призывал прихожан причащаться не раз в год Великим постом, как все обычно делали, а как можно чаще. Молился он тоже «неровно» и чересчур по-своему – одни слова во время богослужения шептал и говорил протяжно, другие вдруг выкрикивал или произносил скороговоркой. Создавалось впечатление, будто во время литургии он лично, один на один разговаривает с Богом, и кому-то из церковного начальства это казалось недопустимой дерзостью.

Со временем манера отца Иоанна вести богослужение стала еще более эмоциональной. Вот как описывает ее петербургский юрист Анатолий Кони, не слишком благоволивший к кронштадтскому пастырю: «Когда стал читать Евангелие, то голос его принял резкий и повелительный тон, а священные слова стали повторяться с каким-то истерическим выкриком: „Аще брат твой спросит хлеба, – восклицал он, – и дашь ему камень... камень дашь ему!.. Камень! И спросит рыбы, и дашь ему змею... змею дашь ему!.. Змею! Дашь ему камень и змею!“ Такое служение возбуждало не благоговение, а какое-то странное беспокойство, какое-то тревожное чувство, которое сообщалось от одних другим».

Вокруг неугомонного отца Иоанна не было атмосферы благостного, расслабленного умиротворения – своим присутствием он будоражил совесть, мешал жить спокойно и беспечно.

«На первых порах, конечно, пришлось перенести мне много горя и неприятностей, но это не привело в упадок мой дух, а, напротив, еще сильнее укрепляло и закаляло для новой борьбы со злом», – сказал отец Иоанн Кронштадтский в «Автобиографической беседе с сарапульскими пастырями». Под этими словами нужно подразумевать и бесконечные проработки у церковного начальства, и домашние сцены ревности.

«На первых порах» – это примерно первые десять-двенадцать лет священнического служения в Кронштадтском Андреевском соборе.

С первых дней после посвящения в иерея отец Иоанн вел дневник и считал это делом настолько важным, что старался ни дня не пропустить без хотя бы краткой записи. Дневник был

его способом богопознания и самопознания, камертоном, по которому он ежедневно следил за чистотой своих поступков и помыслов. Это была его каждодневная, откровенная исповедь перед Богом.

«Что мой дневник? – писал отец Иоанн в 1865 году (ему было тридцать шесть лет). – Не похвала моя. Он – история грехопадений моих!»

Из многолетних дневниковых записей и размышлений отца Иоанна Кронштадтского выросла его книга «Моя жизнь во Христе» – настоящая энциклопедия духовной жизни.

Личные дневники отца Иоанна Кронштадтского теперь изданы и поражают той беспощадностью, с какой отец Иоанн относился к малейшим проявлениям в себе гордыни, лени, неискренности.

С каждым годом среди прихожан Андреевского собора у иерея Иоанна Сергиева появлялось все больше почитателей, и одна из них, пожилая благочестивая женщина Параскева Ивановна Ковригина, сыграла в его жизни особую роль. Она безоговорочно поверила в силу молитв отца Иоанна и первой начала приглашать его в дома своих кронштадтских и петербургских знакомых отслужить молебен и помолиться о чем-то исцелении.

В дневнике отца Иоанна Кронштадтского есть важная запись, сделанная 19 февраля 1867 го да, когда он сам признал, что чудо исцеления произошло именно по его молитве: «Господи! Благодарю Тебя, яко по молитве моей, чрез возложение рук моих священнических исцелил еси отрока (Костылева)».

В беседе с сарапульскими пастырями отец Иоанн говорил, что никогда не предпринимал никаких усилий для того, чтобы стать известным – это произошло помимо его желания и воли. Священника из Кронштадта все чаще приглашали в дома петербургской знати. Случаи исцеления больных, которых доктора признали безнадежными, публиковали в петербургских газетах. Отца Иоанна стали называть новым российским чудотворцем.

Сохранились воспоминания очевидцев его чудес, из которых понятно: главным и необходимым условием для свершения чуда были вера и искреннее обращение к Богу самого страждущего. Всякий раз после исцеления безнадежно больного отец Иоанн говорил торжественно: «Слава Богу, никто как Бог!»

Священник Василий Шустин описал визит отца Иоанна к его отцу, заболевшему горловой чахоткой, которому, по приговору докторов, оставалось жить не больше десяти дней: «В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: „Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен! Я бы привез Святые Дары и приобщи́л бы его“. Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя, и, обращаясь к отцу, спрашивает: „Веришь ли ты, что я силою Божию могу помочь тебе?“ Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом размахнувшись ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. „Брось все это, – резко сказал отец Иоанн, – больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать...“»

На следующий день больного в морозную, ветреную погоду на санях повезли через море по льду из Ораниенбаума в Кронштадт – такой глубокой была его вера в силу молитвы кронштадтского пастыря. По возвращении домой все раны в горле больного оказались затянуты, и делавший осмотр профессор Военно-медицинской академии по горловым болезням Н. П. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» После этого отец священника Василия Шустина прожил еще двадцать пять лет.

«...Много чудес очевидных совершилось и ныне совершается. В этом я вижу указание Божие мне, особое послушание от Бога молиться за всех, просящих себе от Бога милости. Поэтому я никому не отказываю в своей молитве и для посещения болящих езжу по просьбам

их по всей России», – спокойно говорил отец Иоанн о своей репутации великого чудотворца в автобиографической беседе с сарапульскими пастырями. Он писал в дневнике, что в глубине души считает себя «немогущим и грешным паче всех» и воспринимает свой дар как указание от Бога помогать людям и с помощью чудес укреплять в них веру.

Вместе с известностью к отцу Иоанну стали приходить деньги, все больше денег. Обычно он не отказывался от платы в домах петербургской знати, не слишком интересуясь, лежат в конверте пять рублей или пятьсот – все эти деньги шли на благотворительность. Священник из Кронштадта делал большие пожертвования на строительство храмов, в монастыри, школы, больницы, различные благотворительные общества, говоря: «У меня своих денег нет. Мне жертвуют, и я жертвую». За помощью к отцу Иоанну обращались погорельцы, бедные студенты, которым нечем было заплатить за учебу, разорившиеся купцы. На его домашний адрес приходили сотни, а потом и тысячи писем с различными просьбами.

Ведением переписки отца Иоанна и денежной отчетностью уже занимался целый штат секретарей. Через них проходили огромные суммы – по разным подсчетам, от ста пятидесяти тысяч до миллиона рублей в год. К слову сказать, некоторые помощники отца Иоанна сколотили себе на его популярности целые состояния, помогая устраивать личные встречи с чудотворцем.

Теперь отец Иоанн раздавал милостыню нищим строго два раза в день: каждому по десять копеек утром на пропитание и еще десять вечером – на оплату ночлега, чтобы не бродяжничали по городу. В некоторые дни количество просителей, которых прозвали «строем отца Иоанна», доходило до тысячи человек. В назначенное время неимущие выстраивались длинными шеренгами перед домом отца Иоанна, и каждый «десятский» получал рубль для раздачи десяти товарищам. Но все равно эта помощь беднякам была каплей в море...

Через семнадцать лет своего священнического служения отец Иоанн решил построить в Кронштадте Дом трудолюбия, чтобы люди могли сами честным трудом зарабатывать себе на пропитание.

В 1872 году в газете «Кронштадтский вестник» было опубликовано воззвание отца Иоанна к пастве с призывом помочь ему в строительстве Дома трудолюбия. Был создан попечительский совет, в который вошли преданные почитатели кронштадтского пастыря – от богатейших фабрикантов до простых рабочих. Для покупки земельного участка и закладки здания потребовалось девять лет, больше года продолжалось строительство.

К сожалению, через год первый выстроенный в Кронштадте Дом трудолюбия сгорел. В «веселом заведении», расположенном неподалеку, вспыхнул пожар, который перекинулся на соседние дома... Но уже через год на том же месте стараниями благотворителей было выстроено новое, прекрасно оборудованное четырехэтажное здание. Со временем Дом трудолюбия превратился в целый рабочий городок, где в пеньковых, картузных и швейных мастерских трудилось до семи тысяч человек. Здесь были бесплатная начальная школа, приют для детей-сирот, богадельня для неимущих стариков, ночлежный дом на сто с лишним коек, содержавшиеся на «Иоанновские миллионы» в образцовом порядке.

Для обитателей ночлежки даже выписывали две ежедневные газеты.

Популярность отца Иоанна еще больше возросла в народе после того, как в октябре 1894 года он был спешно вызван из Кронштадта в Ливадию напутствовать умирающего императора Александра III.

В дневнике отец Иоанн оставил запись, как помазал императора перед смертью елеем от чтимой чудотворной иконы и старался облегчить его страдания: «...Государь Император выразил желание, чтобы я возложил мои руки на главу его, и я долго держал их. Государь находился в полном сознании, просил меня отдохнуть, но я сказал, что не чувствую усталости, и спросил его:

– Не тяжело ли Вашему Величеству, что держу долго руки мои на главе Вашей?

– Напротив, мне очень легко, когда вы их держите, – сказал он. Потом ему угодно было сказать: Вас любит русский народ.

– Да, – отвечал я, – Ваш народ любит меня».

В феврале 1895 года протоиерей Иоанн Сергиев был назначен настоятелем Кронштадтского Андреевского собора – до того он почти сорок лет служил в его штате одним из священников.

Все эти годы – от безвестности и репутации городского юродивого до всероссийской славы – образ жизни отца Иоанна оставался неизменным. Как всегда, он просыпался около четырех часов утра, после келейной молитвы ехал в Андреевский собор, где проводил богослужение, а примерно после полудня садился в карету и объезжал по приглашениям дома жителей Кронштадта или ехал в Петербург. Летом в столицу через Финский залив можно было добраться на пароходе, зимой – по льду на лошадях.

«Лицо было свежее, всегда с ярким румянцем, происходившем оттого, что отец Иоанн ежедневно, зиму и лето, во всякую погоду переезжал через море в Петербург и обратно», – поясняет близко знавший кронштадтского пастыря Я. В. Ильяшевич в своей книге «Отец Иоанн Кронштадтский» (изданной под псевдонимом И. К. Сурский).

Спал отец Иоанн мало, примерно три-четыре часа, питался скромно, хотя, как он сам говорил о себе, «никогда не показывал себя ни постником, ни подвижником».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.